

Выгоды и уязвимости потенциального соглашения о свободной торговле для отдельных стран ЕАЭС и Китая¹

Синьтао В.¹, Жиряева Е. В.^{2,*}, Лэтин Ч.¹

¹ Шанхайский таможенный колледж, Шанхай, Китай

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: Zhiryayeva-ev@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-8233-5212

РЕФЕРАТ

Цель. Сформулировать позицию ЕАЭС в переговорах по зоне свободной торговли с Китаем.

Задачи. Определить потенциальные результаты создания зоны свободной торговли Китай — ЕАЭС для каждой страны.

Методология. Рассчитаны индексы взаимодополняемости и интенсивности торговли, с использованием модели частичного равновесия рассчитаны выгоды для общества от отмены таможенных тарифов.

Результаты. Исследование спроса и предложения на экскаваторы показало, что общая выгода потребителей (строительной отрасли) от отмены таможенных пошлин лишь незначительно превышает потери производителей и государства. На основе оценки комплементарности установлено, что зона свободной торговли более выгодна Китаю, чем странам ЕАЭС, — структура экспорта Китая лучше соответствует структуре импорта стран ЕАЭС. Выявлено, что экспорт стран ЕАЭС в Китай не диверсифицирован, а основные экспортные товары сталкиваются с минимальными тарифами — 0% на нефть из России и Казахстана, 3% — на калийные удобрения из Беларуси, 0% — на руды и концентраты драгоценных металлов из Кыргызстана, 0% — на медные руды и концентраты из Армении. Страны ЕАЭС могут быть заинтересованы в дальнейшей либерализации торговли с Китаем в связи с намерением экспортировать замороженную рыбу, кукурузу, пшеницу и рис (Россия), табак (Кыргызстан и Армения), мясомолочную продукцию (Беларусь), коньяк (Армения).

Выводы. Снижение пошлин по указанным товарам может быть предметом предварительного временного соглашения. Зона свободной торговли может быть создана путем доработки существующего Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами-членами и КНР. Рекомендуется, помимо включения положений об отмене таможенных пошлин, предусмотреть также разделы по торговле услугами, инвестициям и перемещению физических лиц.

Ключевые слова: соглашение о свободной торговле, ЕАЭС, Китай, комплементарность, интенсивность торговли, инвестиционное сотрудничество

Для цитирования: Синьтао В., Жиряева Е. В., Лэтин Ч. Выгоды и уязвимости потенциального соглашения о свободной торговле для отдельных стран ЕАЭС и Китая // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 62–74.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-62-74>. EDN: VUEDWA

¹ Статья написана в рамках инициативной НИР «Внешнеэкономическая политика страны в условиях санкций» № 122112800085-8 ЕГИСУ НИОКР.

Benefits and Vulnerabilities of the Free Trade Agreement for the EAEU Countries and China

Xintao W.^a, Elena V. Zhiryaeva^{b,*}, Leting Zh.^a

^a Shanghai Customs College, Shanghai, China

^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: Zhiryaeva-ev@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-8233-5212

ABSTRACT

Aim. Objective is to formulate the position of the EAEU in the negotiations on the free trade area with China.

Tasks. We determine the potential results of the creation of the China-EAEU free trade area for each country.

Methods. The indices of complementarity and trade intensity were calculated, and the benefits to society from the abolition of customs tariffs were calculated using a partial equilibrium trade-policy simulation.

Results. The study of supply and demand for excavators showed that the total benefit of consumers (the construction industry) from the abolition of customs duties only slightly exceeds the losses of producers and the government. Based on the complementarity assessment, it was found that the free trade agreement is more beneficial for China than for the EAEU countries — the structure of China's exports better corresponds to the structure of imports of the EAEU countries. It was revealed that the exports of the EAEU countries to China are not diversified, and the main export goods face minimal tariffs — 0% for crude oil from Russia and Kazakhstan, 3% for potash fertilizers from Belarus, 0% for ores and concentrates of precious metals from Kyrgyzstan, 0% for copper ores and concentrates from Armenia. The EAEU countries may be interested in further liberalization of trade with China due to the intention to export frozen fish, corn, wheat and rice (Russia), tobacco (Kyrgyzstan and Armenia), meat and dairy products (Belarus), and cognac (Armenia).

Conclusions. Reduction of duties on the specified goods may be the subject of a preliminary temporary agreement. A free trade zone may be created by finalizing the existing Agreement on Trade and Economic Cooperation between the EAEU and its Member States and the PRC. It is recommended that, in addition to including provisions on the abolition of customs duties, sections on trade in services, investments, and movement of individuals be included.

Keywords: free trade agreement, EAEU, China, complementarity, trade intensity, investment cooperation

For citation: Xintao W., Zhiryaeva E. V., Leting Zh. Benefits and Vulnerabilities of the Free Trade Agreement for the EAEU Countries and China // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 3. P. 62–74.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-62-74>. EDN: VUEDWA

Введение

В XXI в. центр мировой экономической активности перемещается в Азиатско-Тихоокеанский регион [13], стимулируя углубление экономической интеграции ЕАЭС с регионом. В 2002 г. ученые Хэйлунцзянской академии общественных наук выдвинули идею о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) с Россией [22]. В 2006 г. в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) Китай получил предложение о ЗСТ от России [7]. Спротивление идее ЗСТ на базе ШОС было одной из причин развития Китаем сухопутной части инициативы «Один пояс — один путь (ОПОП)» [21] — проекта Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). С появлением Евразийского экономического союза (ЕАЭС) Россия стала

продвигать эту идею через ЕАЭС. Отношения ЕАЭС — Китай начались в 2015 г. с запуском переговоров по Соглашению об экономическом и торговом сотрудничестве.

В последние годы отношения Китая с крупнейшими торговыми партнерами ухудшились. Китай больше не является крупнейшим торговым партнером США¹. Для России, в свою очередь, под давлением санкций потребовалось укрепить связи с дружественными странами [4]. Санкции, подрывая курс рубля, тормозят экономическое развитие и других стран ЕАЭС, что делает для них актуальной заявленную повестку. «Мы хотели бы обсудить вопрос заключения соглашения о свободной торговле со странами Евразийского экономического союза», — заявил Лю Сюэсун, полномочный министр Посольства КНР в РФ на заседании Санкт-Петербургского экономического форума в 2023 г.² Встает необходимость сформулировать позицию ЕАЭС в переговорах с Китаем по этому вопросу, что является целью работы.

Китайские ученые активно работали над выявлением положительных аспектов российско-китайской ЗСТ. Х. Чжан и Т. Юань путем моделирования показали, что снижение тарифов и ослабление технических барьеров приведет к экономическому и торговому развитию [24]. Российские авторы выявили следующие положительные аспекты ЗСТ для двух стран: взаимодополняемость структуры торговли [19]; повышение национальной конкурентоспособности [20]; рост товарооборота, веса и значимости стран на мировой арене [7]. В отношении стран — членов ЕАЭС указывается на ожидаемый рост объемов внешней торговли [17].

Другая группа работ рассматривает потенциал ЗСТ критически. Государства ЕАЭС предстают несравнимо меньшими, чем Китай, величинами по размеру ВВП и демографическому потенциалу, поэтому взаимодействие будет асимметричным [8]. Оценки реального ВВП, уровня благосостояния, объемов и диверсификации экспорта показывают, что создание ЗСТ с ЕАЭС в ближайшей перспективе наиболее выгодно для Китая [17]. Увеличение импорта в Россию, которое при полной либерализации составит примерно 8%, исследователи оценивают как рискованное [13], создающее угрозу снижения темпов роста промышленного производства. Упадут доходы федерального бюджета [7]. Примерно те же эффекты выявлены в отношении других стран ЕАЭС. Это заставляет Ц. Яо и Н. Юрову заключить, что страны ЕАЭС пока не готовы к созданию ЗСТ с Китаем [17].

Обзор литературы показывает, что авторы не рассматривали последствия беспошлинной торговли для каждой страны ЕАЭС. Поскольку отдельные страны ЕАЭС не создают двусторонние ЗСТ с третьими странами, мы определяем преимущества и вызовы ЗСТ ЕАЭС — Китай для всех стран-участниц. Существующие исследования не учитывают положительного влияния на потребителя, выгоды от которого обычно покрывают потери от либерализации. Данная статья призвана восполнить эти пробелы.

В первой главе изложены методы исследования. Во второй определяются потенциальные выгоды ЗСТ. В третьей главе обсуждаются результаты. Статья заканчивается выводами.

1. Методы исследования

Индексы взаимодополняемости торговли [18] позволяют измерить степень, в которой две страны являются «естественными торговыми партнерами». Рассмотрена взаимодополняемость между пятью парами стран. Индекс интенсивности торговли показывает, экспортирует ли регион больше в данный пункт назначения, чем в среднем это делает мир. Источником данных является торговая карта Международного торгового центра.

Для предварительной оценки последствий торговой меры применима процедура моделирования. Формальный анализ экономического воздействия преференциальных торговых соглашений начался с работы Джейкоба Винера в 1950-х гг. [23]. Когда тарифы во взаимной торговле падают, часть внутреннего производства заменяется импортом более эффективных производителей из партнеров

¹ *Maya Averbuch, Leda Alvim. 'Mexico's Moment: The Biggest US Trading Partner Is No Longer China' [Электронный ресурс] // Bloomberg. 12.09.2023. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2023-mexico-china-us-trade-opportunity/> (дата обращения: 13.06.2024).*

² *Saint Petersburg International Economic Forum – 2023. Session “Multipolarity and connectivity as a new paradigm for international trade” [Электронный ресурс] // Росконгресс. 16.06.2023. URL: <https://roscongress.org/speakers/syuesun-lyu/quotes/> (дата обращения: 02.12.2023).*

по ЗСТ, что приводит к созданию торговли и повышению благосостояния. Мы используем простой графический анализ этой модели, чтобы проиллюстрировать рост благосостояния в одной из стран. Предметом исследования являлись экскаваторы субпозиции Гармонизированной системы описания и кодирования товаров (ГС) 8429 52. В последние годы этот товар в больших количествах ввозился в Россию из Китая. В 2022 г. спрос в России на строительную технику увеличился из-за возросшего объема строительных работ на присоединенных территориях. Поскольку импорт из РФ по субпозиции 8429 52 составил 85% всего импорта из стран ЕАЭС в 2022 г., Россия была выбрана репрезентативной страной.

Графическая иллюстрация эффекта отмены тарифа t в стране с фиксированными мировыми ценами P^* дана на рис. 1.

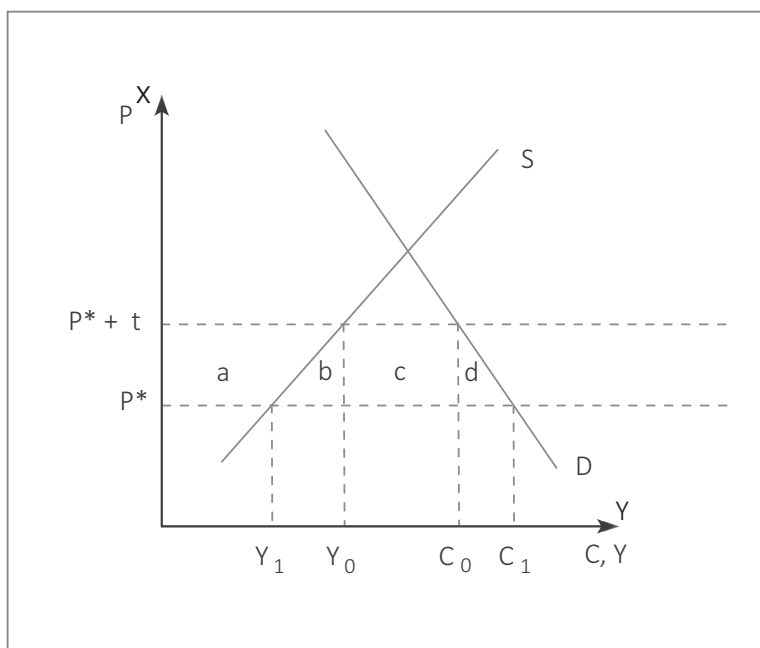

Рис. 1. Метод оценки выгод от снижения тарифов, ось x — количество, условные единицы, ось y — цена, условные единицы
 Fig. 1. Method of assessing the benefits of tariff reduction, x -axis — quantity, conventional units, y -axis — price, conventional units

Источник: A practical guide to trade policy analysis, 2012

При мировой цене P^*+t внутренний спрос определяется C_0 , внутреннее предложение Y_0 , а импорт C_0-Y_0 . Отмена тарифа t снижает внутреннюю цену на всю сумму t и, как следствие, увеличивает спрос до C_1 и уменьшает внутреннее предложение до Y_1 . Импорт увеличивается до C_1-Y_1 . Изменение внутренней цены приводит к увеличению излишка потребителя ($a+b+c+d$), поскольку теперь он может покупать большее количество товаров (т. е. $C_1 - C_0$). Отмена тарифов приводит к потере излишка производителя (a) и потере тарифных доходов государства (c). Таким образом, общий выигрывает от отмены тарифов равен площади ($b + d$).

2. Потенциальные выгоды ЗСТ с Китаем для стран ЕАЭС

Расчет комплементарности (табл. 1, с. 66) показывает, что структура экспорта Китая лучше соответствует структуре импорта стран ЕАЭС, чем структура экспорта стран ЕАЭС импорту Китая. Экспорт Беларуси наименее соответствует китайскому импорту. Структура экспорта Китая лучше соответствует характеру импорта из России и Казахстана.

Индекс комплементарности торговых потоков в 2022 г.

Table 1. Trade Flows Complementarity Index 2022

Китай – Армения	Китай – Беларусь	Китай – Казахстан	Китай – Кыргызстан	Китай – Россия
Экспорт Китая — импорт страны ЕАЭС				
0,561	0,592	0,675	0,530	0,708
Экспорт страны ЕАЭС — импорт Китая				
0,433	0,389	0,423	0,459	0,401

Источник: рассчитано авторами на основе trademap.org

Согласно индексу интенсивности торговли (табл. 2) страны ЕАЭС экспортируют в Китай в 1,7 раза активнее, чем мир в целом.

Индекс интенсивности торговли, экспорт из стран ЕАЭС в Китай, торговые потоки в 2022 г.

Table 2. Trade intensity index, exports from EAEU countries to China, trade flows in 2022

Экспорт в Китай из:	Интенсивность торговли (индекс)
ЕАЭС, включая	1,72
РФ	1,78
Казахстан	1,41
Беларусь	1,46
Кыргызстан	0,25
Армения	0,63
Мир в целом	1

Источник: рассчитано авторами на основе trademap.org

Для сравнения, интенсивность торговли Грузии, имеющей ЗСТ с Китаем (0,95), не превышает значений РФ, Казахстана и Беларуси. Следовательно, у последних есть потребность в либерализации торговли с Китаем.

Характеристика китайско-российских торгово-экономических отношений

Протяженность границы КНР — РФ составляет 4 тыс. км, что делает страны естественными торговыми партнерами. В ответ на китайский проект ОПОП Россия разработала политику Большого евразийского партнерства. В то же время существуют принципиальные препятствия для двустороннего сотрудничества. После распада СССР Россия сконцентрировала свою торговую энергию на Европе. Китайская экономика использовала сильные стороны Тихоокеанского региона: США обеспечили рынки, а Австралия предоставляла природные ресурсы [21]. Россия долгое время не считала Китай приоритетным для создания ЗСТ [1]. Экономическая повестка была ориентирована на промышленное развитие, уход от «ресурсного проклятия», а не на наращивание торговли [21]. Россия потенциально является стратегическим конкурентом Китая на континенте, поэтому маловероятно, что Китай будет рассматривать Россию исключительно в свете своей ресурсной безопасности. Обе страны могут пожелать производить аналогичную продукцию [Там же].

В 2022 г. объемы двусторонней торговли достигли рекордного уровня. Энергетическое сотрудничество включает долгосрочные энергетические контракты, трубопроводные проекты, совместные предприятия и инвестиции. Основной категорией экспорта России являются нефть и природный газ (группа 27 ГС). По заявлению «Газпрома», сделанному в феврале 2022 г., планируется увеличить ежегодный

экспорт природного газа в Китай до 48 млрд м³, удовлетворяя растущий спрос Китая на энергию и отвечая его стремлению снизить долю угольной энергетики.

С 2016 г. реализуется инициатива «Нового сухопутного зернового коридора». Строится Забайкальская зерновая станция. Подписан контракт на поставку зерновых, бобовых и масличных в Китай на срок до 2035 г. Расширение списка регионов, получивших право поставок пшеницы в Китай, содействовало экспорту других зерновых [11]. Для Урала, Сибири и Дальнего Востока, имеющих транспортно-логистические связи с северо-восточными провинциями, китайский рынок представляется естественным экспортным направлением [15]. Китай получает поставки на стабильной основе [10]. В то же время продовольственный экспорт России сталкивается с относительно высокими тарифами на мороженую рыбу. Уровни китайского тарифа в 54% для кукурузы и 65% для пшеницы являются пиковыми.

Действительно ли обеим странам нужна зона свободной торговли? Основные категории экспорта России (товары группы 27 ГС) и Китая (товары групп 84 и 85 ГС) облагаются нулевыми тарифами и демонстрируют наиболее выраженный рост.

Рассмотрим вопрос с точки зрения влияния ЗСТ на благосостояние на примере одного из секторов промышленности. Поставки в Россию большей части номенклатуры спецтехники попали под санкции ЕС и Японии. В результате в 2022 г., помимо поставок отечественных игроков, рынок пополнялся преимущественно за счет китайского импорта. В марте 2022 г. цена на гусеничные экскаваторы выросла с 4% до 46% (в зависимости от марки и класса техники). В сегменте машин массой от 20 до 30 т российская продукция подорожала наиболее существенно (+31%). Затем рынок стабилизировался, и в 2023 г. стоимость отечественной техники снизилась на 5% по сравнению с «мартовским пиком». Российские производители, видимо, потеряли часть доходов от роста цен из-за конкуренции со стороны Китая. Однако в целом поставки экскаваторов в 2022 г. выросли в 2,1 раза по сравнению с 2021 г.

Значения для кривой спроса взяты из данных trademap.org. Мы собрали сведения о записях по коду ГС 8429 52, импортированных Россией со всего мира в 2022 г., удалили выбросы и небольшие объемы торговли (менее 100 т). Получили 15 наборов данных и построили кривую спроса. Кривая предложения была построена исходя из внутренних цен на гусеничные экскаваторы (код 8429521009 таможенного тарифа ЕАЭС). Обе кривые объединены на рис. 2.

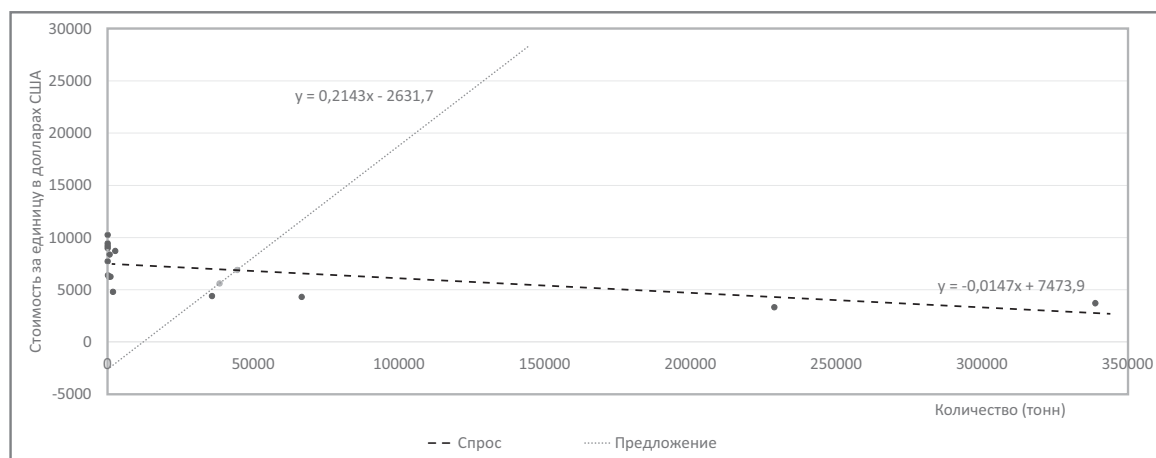

Рис. 2. Кривые спроса и предложения на гусеничные экскаваторы

Fig. 2. Supply and demand curves for crawler excavators

В 2022 г. количество, импортированное из Китая, составило 228 772 т. Согласно кривой спроса, соответствующая стоимость единицы продукции составила 4112 долл. США за единицу. Внутреннее предложение при цене P_c^T (согласно кривой предложения) составило 31467 т. Импорт из Китая плюс внутренние поставки дали 260 189 т. Таможенная пошлина по тарифной субпозиции 8429 52 составляет 5% (0,05). В случае

отмены этой пошлины цена P_c составит 3916 (4112/1,05) долл./ед. Спрос на импорт из Китая (согласно кривой спроса) составит 242 021 т. Внутреннее предложение по цене P_c (согласно кривой предложения) составит 30 555 т. Импорт из Китая плюс внутренние поставки сейчас дают 272 576 т. Убыток производителя (рассчитанный как площадь трапеции на рисунке) составит 6 062 513 долл. США $(31467+30555)/((4112-3916)/2)$. Убытки правительства представляют собой недополучение таможенных пошлин от суммы, которая была ввезена из Китая ранее (взята без таможенной пошлины) $(228772*4112/1,05) = 44785946$ долл. США. Потребительский излишек (рассчитанный как площадь трапеции на рисунке) составит 52 076 735 долл. США $(260189+272576)/((4112-3916)/2)$. Прирост благосостояния составляет 1,2 млн долл. США. Сумма положительная, хотя и довольно скромная из-за больших потерь правительства.

Таким образом, хотя теория рассматривает общие выгоды для благосостояния от создания ЗСТ как очевидные, в описанном нами случае они незначительны. Кроме того, России придется снизить тарифы на автомобили. Такой шаг вряд ли возможен. Китаю придется отменить пошлины на рыбу и зерновые, что укладывается в принятую в Китае политику по росту доступности потребительских товаров. Сказанное свидетельствует о меньшей готовности России, чем Китая, к формированию ЗСТ.

Характеристика китайско-белорусских торгово-экономических отношений

Развитию сотрудничества Белоруссии с Китаем способствует определенное сходство экономических систем. С 1990-х гг. между странами было подписано более 80 договоров и соглашений, в том числе о проведении валютного свопа между национальными банками [9]. Договор о дружбе и сотрудничестве, а также директива «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь (РБ) с Китайской Народной Республикой» появились в 2015 г. [9]. Основные категории экспорта Китая — мониторы, дизельные двигатели и легковые автомобили, Беларуси — калийные удобрения, мясо птицы и доски. Импорт китайской электроники позволяет насытить потребительский рынок РБ [16]. Китай нуждается во ввозе белорусских калийных удобрений, их доля в структуре белорусского экспорта в Китай составляет 56% (2023 г.). Благодаря снижению общих импортных тарифов Китая на 7,8% как части реформы, стимулирующей потребление, белорусский экспорт был диверсифицирован. КНР проявляет интерес к мясной и молочной продукции [16]. Только около 10% экспорта РБ приходится на продукцию машиностроения [9]. На основе гравитационной модели по данным за 2005–2018 гг. было установлено, что внешнеторговый оборот зависит в основном от китайского импорта, от его финансирования за счет прямых инвестиций и связанных с ними кредитов со стороны КНР и в меньшей степени от экспорта белорусских калийных удобрений. Он практически не зависит от инновационного белорусского экспорта [14].

Международные транспортные коридоры в направлениях Восток — Запад, Юг — Север пролегают через белорусскую территорию. Страна смогла стать единственным транспортно-логистическим хабом ЭПШП, связывающим Китай с Европой. Из-за нестабильности в Красном море спрос на сухопутный «Северный коридор» в 2024 г. вырос. Белоруссия рассчитывает использовать транспортно-логистическую структуру ЭПШП для совместного с Китаем продвижения товаров на рынки третьих стран, загружая идущие в восточном направлении порожние контейнеры белорусскими товарами [16].

Китай имеет «четко проработанную стратегию освоения постсоветского пространства» путем укрепления двусторонних связей [5]. После подписания договора о ЕАЭС прямой доступ к рынку этих стран оказался ограничен. Китай прибег к нескольким путям доступа через Беларусь. Это, во-первых, прямое инвестирование для продажи конечной продукции на внутреннем рынке. Так, еще на этапе создания производства легковых автомобилей Geely на заводе «БелДжи» его организаторы не скрывали, что рассчитывают на российский рынок [6]. Во-вторых, инвестиции в белорусскую экономику способствуют росту экспорта китайских инвестиционных товаров. Лидирующие позиции в белорусском импорте занимают промежуточные товары (мониторы, двигатели). Их ввоз (предприятиями «Горизонт», «БелДжи», «БМЗ», «Юнисон», «МАЗ») [14] сталкивается с существенно более низкой пошлиной, чем импорт продукции конечного потребления. В-третьих, Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень» [3] выступает площадкой для демонстрации китайских достижений для всей Европы. В-четвертых, связан

ные китайские кредиты предполагают закупку китайского оборудования [16]. Выявлена зависимость общего объема импорта китайских товаров и услуг от масштабов инвестиционных проектов, реализуемых при поддержке соответствующих китайских кредитов [14].

Индекс взаимодополняемости в торговле стран невысок. От ЗСТ с Белоруссией Китай мог бы получить выгоду от обнуления пошлин на автомобили, однако производство Geely уже перенесено в Беларусь. Экспорт калийных удобрений в Китай облагается минимальной пошлиной в размере 3%, тогда как на другие удобрения (азотные, комплексные) пошлины достигают 28% и 40% соответственно. Можно ожидать, что Беларусь выиграет от создания ЗСТ с Китаем за счет устранения достаточно высоких пошлин на мясо, молоко и рапсовое масло.

Характеристика китайско-казахстанских торгово-экономических отношений

Экономический рост Казахстана зависит от развития инфраструктуры и региональной торговли. Страна стремится стать крупнейшим деловым и транзитным узлом Центральной Азии, рассматривая ОПОП и ЕАЭС как средство достижения этой цели. В 2015 г. было подписано соглашение о сопряжении ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути. Одна из проблем, вставших перед Казахстаном, заключается в том, что эти две инициативы пока не согласованы должным образом в отношении технических требований, инфраструктуры, по таможенным, финансовым и юридическим вопросам¹. Развитию инфраструктуры будут содействовать казахско-китайские соглашения о развитии Транскаспийского международного транспортного маршрута, мультимодальных и контейнерных перевозок по территории Казахстана, строительстве железнодорожной линии Таченг — Аязоз, третьего железнодорожного пункта пропуска, о создании пограничных терминалов и авиационного маршрута².

Инвестируя в добычу природных ресурсов Казахстана, Китай получил значительный импорт этих ресурсов. Экспортная продукция Казахстана — это нефть сырая, медные руды и сплавы. На долю группы 27 ГС пришлось 40,8% общего объема экспорта в 2022 г. Китай выступает вторым по значимости партнером Казахстана по импорту. Роль Китая возросла в результате российско-украинского конфликта. В 2022 г. общий объем взаимной торговли увеличился на 24%, установив новый рекорд за всю историю торгово-экономических отношений. Экспорт Китая сосредоточен в текстильной, механической и электротехнической продукции, других капиталоемких или технологичных отраслях. Потенциал Казахстана как экспортного рынка для Китая считается ограниченным из-за небольшого населения и его низкой покупательной способности³. После 2015 г., когда Казахстан вступил в ВТО, импорт одежды (группа 62) из Китая на территорию ЕАЭС через Казахстан увеличился в пять раз. «Многовекторная» внешняя политика и стратегия диверсификации торговли Казахстана могут оказаться подорваны возросшей экономической зависимостью от Китая. Для постсоветских стран деятельность Китая может привести «к неблагоприятным изменениям в структуре и качестве национальной промышленности» [12]. Сотрудничество же со странами ЕАЭС позволяет Казахстану развивать кооперацию в обрабатывающей промышленности. Согласно исследованию Высшей школы экономики⁴, российские регионы имеют больше всего потенциальных контрагентов в Казахстане [24]. Экономические связи с Россией по-прежнему сильны. В ближайшее время страны ЕАЭС останутся более важными торговыми партнерами в импорте Казахстана, чем Китай.

Таким образом, Казахстан в ходе промышленного сотрудничества со странами ЕАЭС мог бы диверсифицировать свою зависимую от нефти и газа экономику, что сделает его рынок менее уязвимым для возросшего в результате создания ЗСТ импорта из Китая.

¹ *Makhmutova M.* Kazakhstan: Perspectives on Eurasian Integration [Электронный ресурс] // European Council on Foreign Relations. 08.06.2016. URL: https://ecfr.eu/article/essay_eurasian_integration_kazakhstan/ (дата обращения: 13.06.2024).

² *Haley Nelson.* The Hidden Costs of Kazakhstan's Engagement with China: A Decade of the Belt and Road [Электронный ресурс] // Caspian policy center. 24.10.2023. URL: <https://www.caspianpolicy.org/research/energy-and-economy-program-eeep/the-hidden-costs-of-kazakhstans-engagement-with-china-a-decade-of-the-belt-and-road> (дата обращения: 13.06.2024).

³ *Makhmutova M.* Kazakhstan: Perspectives on Eurasian Integration [Электронный ресурс] // European Council on Foreign Relations. 08.06.2016. URL: https://ecfr.eu/article/essay_eurasian_integration_kazakhstan/ (дата обращения: 13.06.2024).

⁴ *Осташенко Т. В., Куценко Е. С., Абашкин В. Л., Тюрчев К. С.* Региональный потенциал промышленной кооперации в ЕАЭС [Электронный ресурс]. НИУ ВШЭ, 2023. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/852026917.pdf> (дата обращения: 13.06.2024).

Характеристика китайско-киргизских торгово-экономических отношений

Отношения КНР и Кыргызстана всегда имели положительную динамику, страны поддерживали диалог в международных организациях. Совместные проекты в рамках ОПОП включают в себя, прежде всего, развитие инфраструктуры поставок угля. Двусторонние отношения несбалансированны: так, в 2022 г. импорт из Китая в 250 раз превысил экспорт Кыргызстана в Китай.

Китай импортирует руды и концентраты драгоценных металлов, нефтепродукты и уголь, шкуры и кожи, алюминий-сырец. Кыргызстан импортирует потребительские товары, в первую очередь одежду. Создание ЗСТ устранил довольно высокие пошлины ЕАЭС на одежду по группам 61 и 62 ГС, а Кыргызстан получит доступ к китайскому рынку табачных изделий, защищенному 25-процентной таможенной пошлиной. Однако если в 2022 г. импорт одежды из Китая составил 7 млрд долл. США, то экспорт табачных изделий в Китай был всего 840 тыс. долл. США. Если бы весь импорт в Кыргызстан был предназначен для рынка этой страны, каждый житель тратил бы четвертую часть своего дохода на покупку китайской одежды. Потребительские товары, ввезенные через Кыргызстан, распространяются по всей территории ЕАЭС, а открытие рынка для импорта одежды из Китая представляет собой конкуренцию текстильным фабрикам ЕАЭС.

Характеристика китайско-армянских торгово-экономических отношений

Руды (меди и молибдена) составляют 97% экспорта Армении в Китай. Ему соответствует нулевой тариф. За период 2007–2019 гг., рассматриваемый Б. Атояном и др., Армения на постоянной основе экспортировала в Китай всего пять видов товаров. Перспективным может стать экспорт вина, шоколада, консервированных фруктов, ягод, орехов, табака, меда и минеральной воды [2]. Основным препятствием являются высокие таможенные пошлины на коньяк (2208 20) — 10%, вина (2204) — 14–20% и фруктовые вина (2206) — 40% [24].

Ежегодно правительство Китая оказывает масштабную финансовую помощь Армении, входя в список пяти основных стран-доноров. Потенциал экономического сотрудничества не используется в полной мере. Между странами отсутствует прямое транспортное сообщение, транспортная инфраструктура Армении не развита. Необходимы рекламные кампании, нацеленные на Китай. По нашему мнению, этот путь необходимо пройти по мере продвижения переговоров о ЗСТ.

3. Обсуждение

Были выявлены возможные выгоды стран ЕАЭС от либерализации торговли с Китаем. Мы отметили ряд инструментов доступа на рынок, применяемых в двусторонних отношениях. Оценка комплементарности показала, что ЗСТ более выгодна для Китая, чем для стран ЕАЭС. Странам следует вести переговоры о снижении тарифов на товары с наибольшими ставками. В экспорте ЕАЭС это продукция животноводства (13,2%), масличные, масла и жиры (10,9%), молочные продукты (12,3%), фрукты, овощи, растения (12,2%), напитки и табак (18,2%), зерновые культуры (19,5%) [4], а также замороженная рыба и напитки. Страны ЕАЭС могут быть заинтересованы в либерализации в связи с намерением экспортировать замороженную рыбу, кукурузу, пшеницу и рис (Россия), табак (Кыргызстан и Армения), мясомолочную продукцию (Беларусь), коньяк (Армения). Китай может получить снижение тарифов на автомобили, их части и одежду. Отмена пошлин может быть предметом предварительного временного соглашения по аналогии с первой стадией процедуры, по которой заключалось соглашение о свободной торговле ЕАЭС — Иран. Исследование спроса и предложения на экскаваторы показало, что общая выгода потребителей (строительной отрасли) от отмены таможенных пошлин лишь незначительно превышает потери производителей и государства. Кривая спроса плоская, спрос менее эластичен по цене, тогда как кривая предложения более крутая, а производители очень чувствительны к ценам. Произойдут потери бюджетов государств ЕАЭС от недобора таможенных пошлин. Хотя пошлины и невелики (5%), недобор по ним выше потерь производителей.

Соглашения о свободной торговле, помимо торговых аспектов, имеют ряд других, важных для интеграции положений. В Соглашении о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами-членами и КНР нет положений о торговле услугами, инвестициям и движению физических лиц, которые присутствуют в большинстве соглашений Китая. Так, в частности, ЗСТ «Китай — Перу» в отношении перемещения физических лиц предусматривает условия, часть из которых приемлемы для договора ЕАЭС — Китай. Эти нормы устанавливают рамки для облегчения временного въезда деловых людей и инвесторов на взаимной основе. Неприемлемыми могут оказаться отказ от требований подтверждения навыков и способностей, признание профессиональной квалификации без дополнительных проверок или экзаменов. Очевидно, именно положения такого рода наряду с торговыми вопросами и должны обсуждаться в новом соглашении о свободной торговле между Китаем и странами ЕАЭС.

Заключение

Создание ЗСТ с Китаем может улучшить уровень жизни населения стран-участниц. Зона свободной торговли будет способствовать обменам в политической, культурной и социальной областях, укреплению взаимного доверия. ЗСТ может предоставить пространство для экономического и социального роста, изменить международную среду, способствовать укреплению международного порядка.

Научная новизна исследования, вносящая вклад в развитие прикладной науки, заключается в рекомендациях по доработке существующего Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами-членами и КНР в направлении включения положений об отмене таможенных пошлин и включении разделов по торговле услугами, инвестициям и перемещению физических лиц.

Литература

1. Ань Ч. Перспективы и новые шансы для создания российско-китайской зоны свободной торговли // Проблемы торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая : сб. статей. М., Институт Дальнего Востока РАН, 2019. С. 163–174. EDN: WMAFAB.
2. Атоян В., Овсепян М., Арустамян Т., Петросян Н. Перспективы экономического сотрудничества Армении и Китая в проекте «Один пояс, один путь». Ереван : Армянский государственный экономический университет, 2021. 118 с. (Амберд). ISBN: 978-9939-61-239-3. EDN: YTDDDV. DOI: 10.52174/978-9939-61-239-3.
3. Вережкина Ю. И. Белоруссия-Китай: тактические шаги стратегического партнерства // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2019. № 10. С. 228–235. EDN: IHKTWI. DOI: 10.36683/2500-249X-2019-10-228-235
4. Гиваргизова Л. С. Таможенно-тарифная политика Китая и перспективы полноформатного соглашения о создании ЗСТ между ЕАЭС и Китаем // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18. № 6. С. 285–293. EDN: YVMDXU. DOI: 10.33693/2541-8025-2022-18-6-285-293
5. Глинкина С. П., Тураева М. О., Яковлев М. О. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза : науч. доклад. М. : Институт экономики РАН, 2016. 59 с. EDN: QZQYUJ
6. Гронский А. Д. Белорусско-китайские экономические отношения // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 2 (39). С. 165–175. EDN: XVBLSH. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-2-165-175
7. Давыденко Е. В., Колесникова Т. В. Зона свободной торговли между Китаем и Россией: «про» и «contra» // Таможенные чтения – 2021: наука, технологии, цифровая экономика : сборник материалов международной научно-практической конференции. СПб., 2021. С. 129–133. EDN: GNUWNQ
8. Дериглазова Л. В. Концепция асимметрии в теории и практике международных отношений // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 295. С. 123–129. EDN: KHNJEB
9. Дубогрызова Д. Г. Основные направления сотрудничества КНР и Беларуси // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 8. С. 694–707. EDN: BLHWEC

10. *Ерохин В. Л.* Современные аспекты политики обеспечения продовольственной безопасности Китая // *Маркетинг и логистика*. 2022. № 5 (43). С. 21–38. EDN: CVMIXZ
11. *Ерохин В. Л.* Новый сухопутный зерновой коридор как перспективное направление развития логистики между Россией и Китаем // *Маркетинг и логистика*. 2023. № 5 (49). С. 23–31. EDN: LNSKMX
12. *Китай и Восточная Европа: звенья нового Шелкового пути / отв. ред.: В. Михеев, В. Швыдко. М. : ИМЭМО РАН, 2016. 70 с. EDN: ZSZXF. DOI: 10.20542/978-5-9535-0485-0*
13. *Лихачева А. Б., Калачигин Г. М.* Оценка рисков либерализации торговли товарами со странами Азии в рамках российской политики поворота на Восток // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2018. Т. 13. № 3. С. 52–69 (На русском и английском языках). EDN: IOBJYM. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-03
14. *Рудый К. В.* Беларусь — Китай: сдвиги в экономическом сотрудничестве // *Белорусский экономический журнал*. 2019. № 2. С. 38–51. EDN: OBLCGU
15. *Худжатов М. Б.* Перспективы развития внешней торговли между Российской Федерацией и КНР // *Маркетинг и логистика*. 2020. № 2 (28). С. 73–81. EDN: HGSPSP
16. *Шурубович А. В.* Экономические отношения Белоруссии и Китая: состояние, тенденции, проблемы // *Проблемы Дальнего Востока*. 2019. № 2. С. 80–90. EDN: NZUKZY. DOI: 10.31857/S013128120004642-7
17. *Яо Ц., Юрова Н. В.* Зона свободной торговли как перспективная форма развития торгово-инвестиционного сотрудничества Китая и ЕАЭС // *Беларусь в современном мире : материалы XVIII Международной научной конференции, посвященной 98-летию образования Белорусского государственного университета. Белорусский государственный университет, 2019. С. 297–300. EDN: LVGFJX*
18. *A Practical Guide to Trade Policy Analysis. Geneva : UN; World Trade Organization, 2012. 232 p. ISBN: 139789287038128.*
19. *Kovaltchuk A. P., Blinova E. A., Miloradov K. A., Mangusheva L. S.* Current State and Prospects of Russia-China Trade Development in the BRICS Format // *Journal of Reviews on Global Economics*. 2019. No. 8. P. 776–782. DOI: 10.6000/1929-7092.2019.08.67
20. *Popkova E. G., Sukhodolov Y. A.* Foreign Trade as a Factor of Economic Growth: Russian-Chinese Foreign Trade Cooperation. Springer, 2017. 138 p. ISBN 10: 3319459848
21. *Schubert J., Savkin D.* Dubious Economic Partnership: Why a Sino-Russia Free Trade Agreement is Hard to Reach // *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2016. 2(04). P. 529–547. DOI: 10.1142/S2377740016500287
22. *Su F.* Determination of the Possibility of Creating a Russian-Chinese Free Trade Zone // *Siboliya Yanjiu*. 2002. No. 5. P. 33–34. (In Chinese)
23. *Viner J.* The Customs Union Issue. Oxford university press, 2014. 256 p. ISBN: 9780199756124. DOI: 10.1093/acprof:osobl/9780199756124.001.0001
24. *Zhang H., Yuan T.* Analysis of the Simulation of Trade Effects of China-Russia Free Trade Area Based on the Dynamic GTAP Model // *China Journal of Commerce*. 2023. No. 18. P. 75–78. DOI: 10.19699/j.cnki.issn2096-0298.2023.18.075

Об авторах:

Синьтао Ван, студент Шанхайского таможенного колледжа (Шанхай, Китайская Народная Республика);
e-mail: 504847051@qq.com

Жиряева Елена Васильевна, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент;
e-mail: Zhiryayeva-ev@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-8233-5212

Лэтин Чжан, студент Шанхайского таможенного колледжа (Шанхай, Китайская Народная Республика);
e-mail: zhang.leting@sohu.com

References

1. An Ch. Prospects and New Chances for the Creation of a Russian-Chinese Free Trade Zone // Problems of Trade and Economic Cooperation between the Russian Far East and Northeast China. Moscow : Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of Far Eastern Studies of RAS, 2019. P. 163–174. (In Russ.) EDN: WMAFAB.
2. Atoyan V., Hovsepyan M., Arustamyan T., Petrosyan N. Prospects of Armenia-China Economic Cooperation within “One Belt, One Road” Project. Yerevan : Armenian State University of Economics, 2021. 118 p. (Amberd). ISBN: 978-9939-61-239-3. (In Russ.) EDN: YTDDDV. DOI: 10.52174/978-9939-61-239-3.
3. Verevkina Y. I. Belarus — China: Tactical Steps of Strategic Partnership // Education and Science without Borders: Fundamental and Applied Research [Obrazovanie i nauka bez granits: fundamental’nye i prikladnye issledovaniya]. 2019. No. 10. P. 228–235. (In Russ.) EDN: IHKTIWI. DOI: 10.36683/2500-249X-2019-10-228-235
4. Givargizova L. S. China’s Customs and Tariff Policy and Prospects for a Full-Fledged FTA between the EAEU and China // Economic Problems and Legal Practice [Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki]. 2022. Vol. 18. No. 6. P. 285–293. (In Russ.) EDN: YVMDXU. DOI: 10.33693/2541-8025-2022-18-6-285-293
5. Glinkina S. P., Turaeva M. O., Yakovlev M. O. Chinese Strategy for the Development of the Post-Soviet Space and the Fate of the Eurasian Union : scientific report. Moscow : Institute of Economics of the RAS, 2016. 59 p. (In Russ.) EDN: QZQYYJ
6. Gronskey A. D. Belarusian-Chinese Economic Relations // Russia and the New States of Eurasia [Rossiya i novye gosudarstva Evrazii]. 2018. No. 2 (39). P. 165–175. (In Russ.) EDN: XVBLSH. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-2-165-175
7. Davydenko E. V., Kolesnikova T. V. Free Trade Zone between China and Russia: “Pro” and “Contra” // Customs Readings—2021: Science, Technology, Digital Economy : collection of materials of the international scientific and practical conference. St. Petersburg, 2021. P. 129–133. (In Russ.) EDN: GNUWNQ
8. Deriglazova L. V. “Asymmetry” Concept in Theory and Practice of International Relation // Tomsk State University Journal [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2007. No. 295. P. 123–129. (In Russ.) EDN: KHNJEB
9. Dubogryzova D. G. Main Directions of Cooperation of the PRC and Belarus // Post-Soviet Studies [Postsovetskie issledovaniya]. 2020. Vol. 3. No. 8. P. 694–707. (In Russ.) EDN: BLHWEC
10. Erokhin V. L. Contemporary Issues of China’s Food Security Policy // Marketing and Logistics [Marketing i logistika]. 2022. No. 5 (43). P. 21–38. (In Russ.) EDN: CVMIXZ
11. Erokhin V. L. The New Land Grain Corridor as a Promising Venue of the Russia-China Logistics // Marketing and Logistics [Marketing i logistika]. 2023. No. 5 (49). P. 23–31. (In Russ.) EDN: LNSKMX
12. China and Eastern Europe: Links of the New Silk Road // ed. by V. Mikheev, V. Shvydko. Moscow : IMEMO, 2016. 70 p. (In Russ.) EDN: ZSZXF. DOI: 10.20542/978-5-9535-0485-0
13. Likhacheva A., Kalachyhin H. Risk Assessment of Trade liberalization with Asian Countries in the Context of Russia’s Policy of Pivot to Asia // International Organizations Research Journal [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika]. 2018. Vol. 13. No. 3. P. 52–69. (In Russ. and Eng.) EDN: IOBJYM. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-03
14. Rudy K. (2019) Belarus — China: Shifts in Economic Cooperation // Belarusian Economic Journal [Belorusskiy Ekonomicheskii zhurnal]. 2019. No. 2. P. 38–51. (In Russ.) EDN: OBLCGU
15. Khudzhatov M. Prospects for the Development of Foreign Trade between the Russian Federation and China // Marketing and Logistics [Marketing i logistika]. 2020. No. 2 (28). P. 73–81. (In Russ.) EDN: HGSBSP
16. Shurubovich A. V. Economic Relations between Belarus and China: Status, Trends, Problems // Far Eastern Studies [Problemy Dal’nego Vostoka]. 2019. No. 2. P. 80–90. (In Russ.) EDN: NZUKZY. DOI: 10.31857/S013128120004642-7
17. Yao J., Yurova N. V. Free Trade Area as a Promising Form of Development of China — EAEU Trade-Investment Cooperation // Belarus in the modern world : Materials of the XVIII International Scientific Conference

- dedicated to the 98th anniversary of the formation of the Belarusian State University. Belarusian State University, 2019. P. 297–300. (In Russ.) EDN: LVGFJX
18. A Practical Guide to Trade Policy Analysis. Geneva : UN; World Trade Organization, 2012. 232 p. ISBN: 139789287038128.
 19. Kovaltchuk A. P., Blinova E. A., Miloradov K. A., Mangusheva L. S. Current State and Prospects of Russia-China Trade Development in the BRICS Format // Journal of Reviews on Global Economics. 2019. No. 8. P. 776–782. DOI: 10.6000/1929-7092.2019.08.67
 20. Popkova E. G., Sukhodolov Y. A. Foreign Trade as a Factor of Economic Growth: Russian-Chinese Foreign Trade Cooperation. Springer, 2017. 138 p.
 21. Schubert J., Savkin D. Dubious Economic Partnership: Why a Sino-Russia Free Trade Agreement is Hard to Reach // China Quarterly of International Strategic Studies. 2016. 2(04). P. 529–547. DOI: 10.1142/S2377740016500287
 22. Su F. Determination of the Possibility of Creating a Russian-Chinese Free Trade Zone // Siboliya Yanjiu. 2002. No. 5. P. 33–34. (In Chinese)
 23. Viner J. The Customs Union Issue. Oxford university press, 2014. 256 p. ISBN: 9780199756124. DOI: 10.1093/acprof:osobl/9780199756124.001.0001
 24. Zhang H., Yuan T. Analysis of the Simulation of Trade Effects of China-Russia Free Trade Area Based on the Dynamic GTAP Model // China Journal of Commerce. 2023. No. 18. P. 75–78. DOI: 10.19699/j.cnki.issn2096-0298.2023.18.075

About the authors:

Wang Xintao, Student of the Shanghai Customs College (Shanghai, People’s Republic of China)
e-mail: 504847051@qq.com

Elena V. Zhiryaeva, Professor at the Department of Economics at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА) (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Economics, Associate Professor;
e-mail: Zhiryaeva-ev@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-8233-5212

Zhang Leting, Student at Shanghai Customs College (Shanghai, People’s Republic of China);
e-mail: zhang.leting@sohu.com